

References

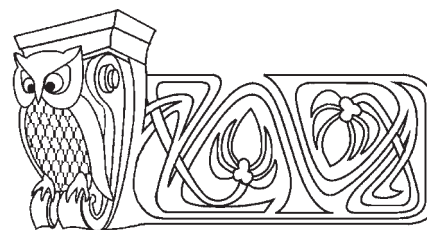
1. Rozhkov V. P. Dinamika filosofskogo soznaniya Rossii i Kitaya: problema algoritmov (Dynamics of philosophical consciousness Russia and China: the problem of algorithms). *Izv. Saratov. Univ. New ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogics*. 2013. Vol. 13, iss. 3, pp. 34–38.
2. Kobzev A. I. Kategorii i osnovnye ponyatiya kitayskoy filosofii i kul'tury (Categories and concepts of Chinese philosophy and culture). *Universalii vostochnykh kultur* (Universals eastern cultures), Moscow, 2001. 236 p.
3. Solov'ev V. S. Chteniya o Bogochelovechestve. *Stat'i. Sticovoreniya i poema «Iz trech razgovorov»* (Readings about Bogochelovechestvo. Article. The poems and the poem «Of the three conversations»). St.-Petersburg, 1994, pp. 1–528.
4. Solov'ev V. S. Opravdanie dobra. *Nravstvennaya filozofiya. Sobr. soch.: v 9 t.* (Justification of the Good. Moral Philosophy. Collected. Op.: in 9 vol.), St.-Petersburg, 1903, vol. 7, pp. 1–677.
5. Konfutsiy. *Suzhdeniya i besedy* (Judgment and conversation). Rostov-on-Don, 2006, 304 p.
6. Orlov M. O. Sotsial'no-politicheskie faktory dinamiki global'nykh protsessov (Socio-political factors affecting the dynamics of global processes). *Power*. 2008, no. 8, pp. 84–88.
7. Danilov S. A. Eksperty mira sego i politicheskie strategii global'nogo obshchestva (World experts and political strategies of the global society). *Povolzhskiy torgovoekonomicheskiy zhurnal* (Volga trade and economic magazine), iss. 1. Saratov, 2011, pp. 95–101.

УДК 323:001.895 (4+7) + (470+571)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОТ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА» К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ

Селезнев Павел Сергеевич —

кандидат политических наук, доцент кафедры прикладной политологии, директор по международному сотрудничеству, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва
E-mail: sps@fa.ru

В статье анализируются этапы постсоветского развития России с точки зрения ее модернизации, как политической, так и экономической, начиная с 1991 г. Отмечается, что на первом этапе реформ власти РФ проводили их в жизнь по «отраженному» сценарию, преимущественно копируя западный опыт. В итоге удалось построить весьма несовершенную политическую и экономическую модель, которая вызвала отторжение у широких слоев российского общества. При В. В. Путине в 2000-х гг. государство меняет «модернизационный вектор», отныне преобразования идут по относительно сбалансированному, «смешанному» «спонтанно-отраженному» сценарию. Решающую роль как в переходе России к демократии, так и в дальнейшем ее развитии в эти годы играет элита, она по преимуществу формулирует стратегический курс страны (зачастую с учетом собственных «эгоистических» интересов). Переход к инновационному развитию связывается автором также с интересами российской элиты, которая стремится в «глобальное акционерное общество» отмечается и весьма позитивное отношение в российском обществе к инновационным начинаниям государственной власти.

Ключевые слова: постсоветская Россия, инновации, модернизация, «демократический транзит», элиты, либеральная демократия, «глобальное акционерное общество».

«Демократический транзит» в Российской Федерации изначально протекал по «отраженному» сценарию, это было обусловлено целым рядом объективных факторов. Во-первых, страна проходила через процедуру тотального обновления, включавшую фактический слом прежних

политической и экономической моделей. При этом процесс проходил стихийно, а реформаторские планы разрабатывались, как правило, в оперативном порядке, что порождало у нового российского «правлящего класса» стремление взять на вооружение наработки западных (прежде всего, американских) советников и консультантов: на том этапе элиты были и теоретически, и практически не готовы взять на себя миссию поиска «собственного пути обновления».

Во-вторых, в начале 1990-х гг. в России наблюдался «внутриэлитный хаос», порожденный утратой идентичности одних элитных групп (бывшей «партийно-хозяйственной номенклатуры») и массовым приходом во власть «новых людей» (представителей зарождающегося бизнеса, «поколения завлабов», выдвиженцев криминальных структур, гуманитарной интеллигенции). Это также не способствовало достижению внутриэлитного консенсуса и выработке компромиссного сценария модернизации.

В-третьих, у новой демократической власти отсутствовал необходимый ресурсный потенциал для проявления политической инициативы. Экономический кризис рубежа 1980–1990-х гг., низкие цены на энергоресурсы в условиях деградирующей промышленности, резкое сокращение

налогов и сборов фактически вынуждали власть искать помощи «спонсоров», каковыми выступали либо международные финансовые структуры (МВФ, Всемирный банк), либо бизнес-сообщество, они не были склонны к идеологическим и стратегическим экспериментам и в обмен на экономическое содействие требовали от «команды» Б.Н. Ельцина придерживаться «мировой практики проведения рыночных реформ». Кроме того, власть не могла в полной мере использовать силовой и административный ресурсы для проведения в жизнь собственного видения реформ, поскольку соответствующие элиты были расколоты на «сторонников» и «противников» курса нового российского руководства и слабоуправляемы. Что же касается нормативно-правового ресурса, то он в принципе не работал на том этапе, с одной стороны, ввиду недостаточно выраженной легальности власти (захват рычагов управления «демократами» де-факто в ходе «августовской революции» 1991 г.), с другой – в силу правового нигилизма населения страны, чему способствовала «дезауация» прежних, советских «правил игры» и отсутствие новых, постсоветских.

В-четвертых, свою роль сыграл также идеологический фактор. Дело в том, что демократические силы, оппонировав КПСС на рубеже 1980–1990-х гг., во многом вели политическую борьбу «на контрасте», противопоставляя «устаревшей коммунистической системе» образ «процветающего передового Запада», поэтому любые сомнения и опасения относительно адекватности тех или иных политических и экономических «заимствований» для постсоветской России воспринимались как «отказ от реформирования» или даже «стремление консерваторов повернуть страну вспять». Таким образом, ставка «младореформаторов» на кардинальный разрыв с прежней политической и экономической традицией порождала своего рода «идеологический догматизм» в проведении преобразований и блокировала любые попытки дискуссий по поводу пропорций «отраженности/спонтанности» в российском варианте модернизации: наиболее оптимальными представлялись схемы и проекты, гарантирующие максимальное «преодоление советского наследия».

В-пятых, немаловажным являлось и то, что новые российские элиты в тот период были очень неустойчивы и слабы, не готовы к конфронтации с Западом, который воспринимал себя победителем в холодной войне и в качестве такового едва ли не в директивном порядке экспортировал в постсоветские государства свою политическую и экономическую модель. При этом все «отклонения» воспринимались как враждебные и неадекватные духу «истинных демократических реформ», что, в свою очередь, было чревато для сторонников

«спонтанной модернизации» санкциями и силовым давлением (как это было, например, с Югославией времен С. Милошевича).

Таким образом, период 1991–1999 гг. в целом характеризовался «следованием за модернизацией» российских правящих элит. В политической сфере он выражался в следующем:

в стремлении максимально четко и «буквально» копировать зарубежный институциональный и правовой опыт;

разрушении «до основания» советской политической системы и ее идеологических оснований;

жестком следовании идеологии рыночного либерализма и либеральной демократии, отстаивании принципа «линейности исторического прогресса», обосновании «догоняющего» пути развития России;

реализации политики радикальных рыночных реформ без учета национальных традиций и специфики политической культуры населения страны; проведении политики децентрализации и деэлитизации, в передаче существенных полномочий и компетенций в ведение «квазивластных центров»;

развитии активного и при этом «подчиненного» сотрудничества российских элит с западными «коллегами», в сворачивании контактов с традиционными внешнеполитическими союзниками.

Демократизация (или демократический транзит) представляет собой очень сложный, нелинейный процесс движения к демократии различных стран, который проходит несколько стадий: либерализацию, демократизацию и консолидацию. Сам выбор демократического пути развития еще не гарантирует установления демократии в конечном итоге и тем более – эффективности функционирования управленческой системы и экономики. Нелинейность процесса демократизации проявляется в «приливах» и «отливах» и зависит от многих объективных и субъективных факторов: исходного уровня экономического развития, единства или разобщенности общества по отношению к демократии; расклада политических сил, их борьбы или взаимодействия на основе компромиссов; лидеров и элиты, их стратегии демократических преобразований; господства демократических ценностей в общественном сознании, политической и правовой культуры граждан. Раскрывая главное отличие «первоначальной» демократизации в России от западных стран, И. К. Пантин акцентирует внимание на следующих позициях: «... нам предстояло, обзаведясь демократическими институтами, начать строить демократическое общество, создавая предпосылки демократии, в том числе слой ответственных собственников, без которых ее существование

невозможно. Задача заключалась в формировании демократического этоса, что в России с ее историей, традициями, ментальностью населения требует огромного времени и усилий» [1, с. 137].

В 1990-е гг. процесс демократизации развивался стихийно, определенной стратегии у политической элиты не было, страна находилась в тяжелом экономическом кризисе, а население было обречено на самостоятельное выживание без какой-либо социальной поддержки государства. В этих условиях политической элитой была задействована условно называемая В. Лапкиным «стратегия Чубайса», которая использовала власть для приватизации и перераспределения государственной собственности в интересах новой, формирующейся «партии власти» [2, с. 77]. В результате такой стратегии задача отделения власти от собственности так и не была решена, что воспрепятствовало формированию среднего класса, являющегося опорой демократии и гражданского общества.

В начале реформ 1990-х гг. господствовала радикально-демократическая идеология, которая решительно отвергала идею какого-либо экономического регулирования; свободный рыночный обмен товарами и услугами стал наделяться способностью преобразовать экономику России и вывести ее в число передовых стран мира. Преобладала «ультралиберальная» точка зрения, что если государство устранить из политических и экономических процессов, то тут же заработают рыночные механизмы, способные быстро расставить все по своим местам и обеспечить свободу и процветание граждан. В этот период демократические экономисты востребуют наследие ультрарыночников, таких как Ф. Хайек и М. Фридман, отвергавших любое государственное вмешательство в общественную жизнь. Более того, декларировался полный отказ от своего прошлого и стремление к тотальному заимствованию западного опыта. Массам также внушалась мысль о том, что рынок может утвердиться в России в сжатые сроки, а его введение произойдет без ухудшения материального положения большинства.

Наряду с верой в исключительную силу рынка либерал-радикалы подчеркивали свою приверженность политической демократии, которая предполагала многопартийность, правовое государство, разделение властей, равенство всех в политическом волеизъявлении. Поборники радикализма в своем большинстве отвергали любые формы авторитаризма, например, президентское правление, даже на переходный период экономических реформ.

Каковы же были в целом итоги первого этапа реформаторской деятельности в России? *Что удалось*: сдвинуть с мертвой точки введение в

России рыночной экономики; провести либерализацию цен и торговли, что привело к наполнению рынка товарами; создать стимулы к труду; укрепить рубль, покончить с господствовавшим ранее бартером; провести масштабную приватизацию.

Но за это была заплачена большая цена: реальные доходы населения к концу 1992 г. снизились до 44% от уровня начала года; в основном денежные средства стали тратить на продукты питания (семьи с детьми и пенсионеры до 90%); рост цен за год в 26 раз, лишение денежных сбережений (прямые потери по денежным вкладам составили порядка 500 млрд рублей); сокращение производства; снижение уровня потребления; усиление неравенства и рост социальной напряженности; кризис науки, образования, культуры; утечка «мозгов» [3, с. 135].

Из экономического кризиса либеральным путем России так и не удалось выбраться, что продемонстрировали события августа 1998 г., поставившие под вопрос политическую и экономическую состоятельность правящего режима.

Кризис августа 1998 г. ознаменовал собой крах проекта «модернизации заимствования». При этом разочарование в «отраженных» ценностях было присуще не только рядовым гражданам страны, но и элитным кругам. Происходит разворот российского истеблишмента в пользу проекта обновления на основе «национальной специфики» (при сохранении рыночного и демократического характера российской государственности). Этому способствовали и некоторые субъективные факторы, в частности, к концу 1990-х гг. российский бизнес, ранее вынужденный играть по западным правилам, настолько окреп, что стал претендовать на самостоятельный статус и в связи с этим перешел на «патриотические» позиции. Таким образом, даже в целом либерально ориентированные круги элиты отказываются от «неоригинального» проекта модернизации и начинают искать ему альтернативу.

В 2000 г. президентом страны был избран фактически «назначенный» Б. Н. Ельциным «преемник» – В. В. Путин. С приходом к власти нового президента период революционной ломки общественных отношений закончился, начался новый – легитимации новой политической элиты, ее объединения, стабилизации экономической и политической жизни, создания «сильного государства». Эти идеи, особенно сильной государственной власти и наведения порядка в обществе после разгула «демократической анархии» 1990-х гг., были востребованы обществом и нашли поддержку россиян. Нельзя не согласиться со следующим тезисом американских политологов: «Отвлеченно люди ценят и свободу, и порядок, но в реальной жизни эти две ценности неизбежно вступают в

конфликт. По определению любая политика, отдавая предпочтение одной ценности, ущемляет другую. В демократической стране выбор политики определяется тем, насколько высоко ее граждане ценят свободу и насколько – порядок» [4, с. 49]. Следуя этой логике, в России в начале XXI в. восторжествовало стремление к порядку, и свобода как ценность уступила ему место.

Период 2005–2006 гг. характеризуется стабилизацией политической и социально-экономической ситуации в стране и постепенным укреплением вертикали власти. Это удалось, прежде всего, за счет того, что одна часть элиты оказалась вписанной в номенклатурные группировки «силовиков» и «либералов» и приняла участие в управлении страной, а другая, оппозиционная, оказалась жестко «выстроенной» или «зачищенной». «Дело ЮКОСа», изменение системы выборов губернаторского корпуса, административная реформа серьезно изменили структуру отечественной элиты, заставили ее работать на укрепление правящего режима, позволили произвести кадровые перетасовки. Кроме того, в «тучные» нулевые быстрый рост экономики России дал возможность целому ряду экспертов поставить нашу страну **в один ряд с Китаем, Индией и Бразилией**. Тем не менее подобный рост во многом обеспечивался благоприятной сырьевой конъюнктурой и общемировой позитивной экономической динамикой. Однако кризис 2008–2010 гг. поставил вопрос о более надежных вариантах обеспечения благополучия и развития Российской Федерации. Как пишет в своей статье А. Б. Шатилов, «изменение количественных и качественных параметров жизни человечества на рубеже 1990–2000-х гг. фактически поставило ведущие страны мира перед выбором: или они проводят модернизацию инновационного плана, или теряют место в “высшей лиге”» [5, с. 427]. Именно тогда российское руководство делает выбор в пользу постепенного перехода к инновационному развитию.

Надо сказать, что скептицизм относительно возможности построения в России инновационного общества и эффективного проведения инновационных реформ, который нередко присутствует в статьях и выступлениях экспертов и политиков, опровергается историей.

Исторический путь страны свидетельствует о том, что модернизационные устремления не чужды ни элите, ни населению. Правда, при этом стоит отметить, что реформаторские проекты чаще всего носили «вынужденный» характер. При этом одним из главных побудительных мотивов для проведения модернизации становился либо военный, либо геополитический фактор. Обладая обширной территорией и существенными сырьевыми ресурсами, Россия регулярно становилась

объектом внешней экспансии и захватнических войн. Более того, относясь к категории «великих держав», она вела жесткую конкуренцию с другими претендентами на этот статус. Все это требовало поддержания необходимого уровня военно-политической и экономической актуальности, а также развития «передовых» технологий. Как минимум, можно отметить два таких «великих перелома» в российско-советской истории – петровские преобразования и «форсированную модернизацию» при И. В. Сталине. При всей неоднозначности оценок их «затратности» и «демократичности» следует признать их эффективность с точки зрения достижения основного результата – обеспечения ведущих позиций в мире России-СССР.

В этой связи весьма интересна полемика, которая развернулась в политологии относительно процесса «сталинской модернизации», а также в целом о модернизационной роли тоталитаризма в XX в. Так, ряд исследователей (Дж. Грегор и др.) полагают, что, несмотря на все издержки и преступления, тоталитаризм выступил в качестве «диктатуры развития» (особенно в Италии и России), позволив этим странам «совершить экономический индустриальный рывок» [6, с. 89]. Данную мысль развил в своих работах и югославский исследователь тоталитаризма М. Джилас, который, отметив, что «коммунистическая революция <...> не в состоянии осуществить ни один из идеалов, провозглашенных ею», тем не менее «вывела огромные области Европы и Азии на путь современной цивилизации» [7, с. 191]. Также в литературе периодически высказывался тезис о социализме как альтернативном и даже вполне эффективном пути модернизации для стран «запоздалого» развития. В частности, в своей работе «Европейский опыт» западногерманский исследователь Д. Сенгаас полагал, что «социалистические индустриальные общества» в отличие от иных стран «третьего мира», сумели преодолеть отсталость и периферийность. Анализируя новейшую историю Китая, Кубы, Северной Кореи, он отмечал, что «социализм сумел создать самостоятельный национальный воспроизводственный комплекс, автономный внутренний рынок, открывающий путь равноправной интеграции в мировое хозяйство» [8, с. 179–202].

В то же время в либеральной политической транзитологии преобладает иная точка зрения. Большинство авторов отрицает серьезный «модернизационный потенциал» тоталитарных государств, отмечая тот факт, что «тоталитарная реконструкция не решила проблем, ради которых она проводилась» [9, с. 394]. Кроме того, «монополия партии-государства на все и вся сковывает энергию и предприимчивость народа, превращает

большинство людей в вынужденно пассивных наблюдателей, ждущих команды» [10, с. 229].

Не менее существенным является и вопрос о темпах модернизации, ее последовательности и поступательности. В частности, необходимо отметить, что первичная модернизация Великобритании осуществлялась «изнутри» на основе «фазового, многотактового, самостоятельного развития политического, культурного и экономического рынка» [11, с. 87]. При этом индустриальный «скачок» становился возможным лишь в той мере, в которой «человек традиционный» превращался в «человека рыночного» [11, с. 87]. Форсированные же темпы модернизации, характеризующие историю СССР и ряда других стран «незападного типа», приводили к «перекосам» и неорганичности их развития. Конечно, форсированная советская модернизация 1930–1940-х гг. позволила советскому государству заимствовать и даже в некоторой степени развить технологические, инструментальные достижения западных обществ, однако ему не удалось создать «адекватных социальных механизмов их саморазвития (рыночная экономика, институты гражданского общества, политическая демократия)» [12, с. 278]. В этом заключалась противоречивость и «недостаточность» советского варианта модернизации.

Справедливости ради стоит отметить, что у такой точки зрения имеются и вполне авторитетные оппоненты, которые полагают, что «форсированная модернизация», проведенная в СССР в 1920–1930-х гг. и развитая в последующий период, позволила «Стране Советов» не только создать конкурентоспособную государственную модель, но и победить во Второй мировой войне [13–15].

Как бы то ни было, но в современную постиндустриальную и постсоветскую эпоху для того, чтобы «догнать и перегнать» развитые страны мира, России потребуются совершенно иной сценарий инновационной модернизации, иные механизмы ее проведения, иной идеологический и политический «антураж».

Стратегическое инновационное мышление является прерогативой национальной элиты. В основе такой ее ориентации лежат объективные и субъективные факторы: с одной стороны, она вполне «эгоистично» заинтересована в сохранении своего влияния в стране, что позволяет ей контролировать значительные аппаратные и бизнес-активы, с другой – она понимает, что без проведения периодических политических и экономических реформ обеспечить развитие страны будет практически невозможно.

Одним из важнейших стимулов, побуждающих российскую элиту стремиться к инновационному обновлению России, является ее желание «вписаться» в мировой истеблишмент на правах

признанного «акционера», т.е. стать равноправной участницей «глобального акционерного общества», пусть даже в качестве «миноритария». Определенный рациональный смысл в этом стремлении присутствует – процессы глобализации диктуют необходимость тесного партнерства ведущих государств мира, а Россия с 2000-х гг. претендует на восстановление статуса «великой державы». Причем, по мнению большей части отечественной правящей элиты, достичь такого статуса она может лишь при активном взаимодействии с развитыми государствами мира, получив от них «пропуск» на мировой Олимп. Инновационная «повестка дня», сформулированная и реализуемая российской властью в 2007–2013 гг., является как раз такой заявкой на интеграцию в глобальную элиту. С одной стороны, Россия демонстрирует свое созвучие с эпохой и понимание политики модернизации, с другой – хочет войти в мировой элитный клуб не на правах «младшего сырьевого брата», а как полноценное эффективное государство XXI в.

В то же время, выступая в качестве «ведомого» в рамках инновационного проекта, население России не является противником преобразований: заявленный властями РФ курс на модернизацию находит широкую поддержку у граждан (60% против 18%) [15, с. 49]. Другое дело, что позиция населения меняется, когда речь идет о темпах реформ: большинство (57%) на данный момент, скорее, придерживается мнения о «постепенности» преобразований, усматривая угрозу стабильности в условиях «форсированных реформ», однако высока и доля тех, кто полагает необходимым «быстрые и кардинальные реформы» (42%) [16, с. 305].

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта «Системное регулирование национального модернизационно-инновационного развития в условиях преобразований общественно-политической среды» (№ 13-02-00357 а).

Список литературы

1. Пантин И. К. Судьбы демократии в России. М., 2004. 197 с.
2. Лапкин В. В. Из выступления на круглом столе «Итоги и перспективы социально-политического развития России» // МЭиМО. 2005. № 9. С. 75–84.
3. Согрин В. В. Политическая история современной России, 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001. 262 с.
4. Джанда К., Берри Д. М., Голдман Д., Хула К. В. Трудным путем демократии. М., 2006. 656 с.
5. Шатилов А. Б. Инновационный проект России и креативный класс : современные дискуссии // Элитология

России : современное состояние и перспективы развития : материалы Первого Всерос. элитологического конгресса с междунар. участием : в 2 т. (г. Ростов-на-Дону, 7–8 октября 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. Т. 1. С. 427–432.

6. Волков Л. Б. «Диктатура развития» или «квазидемократия»? // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 85–91.
7. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. 539 с.
8. Senghaas D. The European experience // A historical critique of development theory. Leamington ; Dover, 1985. P. 179–202.
9. Тоталитаризм в Европе XX в. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. 537 с.
10. Пляйс Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009. 448 с.
11. Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. 396 с.
12. Вишнеvский А. Серп и рубль. М., 1998. 433 с.
13. Былевский П. Сталинская модернизация. URL: <http://zavtra.ru/content/view/2005-05-0432/> (дата обращения: 16.03.2014).
14. Модернизация, как при Сталине. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2012/08/31_a_4747493.shtml (дата обращения: 16.03.2014).
15. Володин А. Почему стало модно дискутировать о сталинской модернизации экономики? URL: <http://topwar.ru/27535-pochemu-stalo-modno-diskutirovat-o-stalinskoj-modernizacii-ekonomiki.html> и др. (дата обращения: 16.03.2014).
16. Двадцать лет реформ глазами россиян : опыт многолетних социологических замеров / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М., 2011. 328 с.

Modernization of the Post-Soviet Russia: from the Democratic Transition Period to Innovative Development

P. S. Seleznev

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russia
E-mail: sps@fa.ru

The article author examines the country's post-Soviet (post-1991) development stages in terms of its both political and economic modernization. The author notes that at the first stage of reforms, the Russian government used a reflected scenario when implementing the reforms while copying the Western development scenario for the most part. Eventually, the government has managed to build an imperfect political and economic model which was rejected by the broad public. In the end, under Putin, it led to the change in the modernization vector. From now on, the government implements the reforms using a relatively balanced, mixed, spontaneously reflected scenario. This is reflected in the transformations of the 2000's. The author thinks that the key role in Russia's transition to democracy and in its further development during the 2000's is played by the country's establishment whose priority is to identify the strategic development plan for the country (which is often based on its own «selfish» interests). The author also links the transition to innovative development to the interests of the Russian establishment that wishes to become part of the «global joint-stock company». How-

ever, the author notes that fairly positive attitudes are observed in the Russian society when it comes to the government innovative projects.

Key words: post-Soviet Russia, innovations, modernization, democratic transition period, establishment, liberal democracy, «global joint-stock company».

References

1. Pantin I. K. *Sudby demokratii v Rossii* (Destiny of democracy in Russia). Moscow, 2005. 197 p.
2. Lapkin V. V. Iz vystupleniya na kryglom stole «Itogi i perspektivy sozialno-politicheskogo razvitiya v Rossii» (From the report at the round table discussion «Resume and perspectives of social and political development in Russia»). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* (International economy and international relations), 2005, no. 9, pp. 75–84.
3. Sogrin V. V. *Politicheskaya istoriya sovremennoy Rossii 1985–2001: ot Gorbacheva do Putina* (Political history of contemporary Russia 1985–2001: from Gorbachev to Putin). Moscow, 2001. 262 p.
4. Dzhandan K., Berri D. M., Goldman D., Khula K. V. *Trudnym putem demokratii: protsess gosudarstvennogo upravleniya v SShA* (By the trudge of the democracy: the process of governance in the USA). Moscow, 2006. 656 p.
5. Shatilov A. B. Innovatsionny proekt Rossii i kreativny klass: sovremennye diskussii (Innovative project of Russia and the creative class). *Elitologiya Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* (Russian Elitology: contemporary state and perspectives of development). *Materialy Pervogo Vserossiyskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem: v 2 t.* (Rostov-na-Donu, 7–8 October 2013). Rostov-on-Don, 2013, vol. 1, pp. 427–432.
6. Volkov L. B. «Diktatura razvitiya» ili «kvazidemokratiya»? («Dictatorship of development» or «quazi-democracy»). *Totalitarizm kak istoricheskiy fenomen* (Totalitarianism as historical phenomenon). Moscow, 1989, pp. 85–91.
7. Djilas M. *Litsa totalitarizma* (The face of totalitarianism). Moscow, 1992. 539 p.
8. Senghaas D. The European experience. *A historical critique of development theory*. Leamington; Dover, 1985, pp. 179–202.
9. *Totalitarizm v Evrope XX veka. Iz istorii ideologii, dvizheniy, rezhimov i ikh preodoleniya* (Totalitarianism in Europe of the XXth century. From the history of ideologies, movements, regimes and surmounting of them). Moscow, 1996. 537 p.
10. Pleis Y. A. *Politologiya v kontekste perehodnoy epohi v Rossii* (Politology in the context of transit epoch in Russia). Moscow, 2009. 448 p.
11. *Totalitarizm kak istoricheskiy fenomen* (Totalitarianism as historical phenomenon). Moscow, 1989. 396 p.
12. Vishnevskiy A. *Serp i rubl* (Reaping-hook and rouble). Moscow, 1998. 433 p.
13. Bylevskiy P. *Stalinskaya modernizatsiya* (Stalin's modernization). Available at: <http://zavtra.ru/content/view/2005-05-0432/> (accessed 16 March 2014).
14. *Modernizatsiya, kak pri Staline* (Modernization like in Stalin's time). Available at: http://www.gazeta.ru/politics/2012/08/31_a_4747493.shtml (accessed 16 March 2014).

15. Volodin A. *Pochemu stalo modno diskutirovat o stalinskoj modernizatsii ekonomiki?* (Why it became fashionable to discuss Stalin's modernization of the economy?). Available at: <http://topwar.ru/27535-pochemu-stalo-modno-diskutirovat-o-stalinskoj-modernizatsii-ekonomiki.html> (accessed 16 March 2014).
16. *Dvadsat let reform glazami rossiyan: opyt mogoletnikh soziologicheskikh zamerov*. Pod red. M. K. Gorshkova, R. Krumma, V. V. Petukhova (Twenty years of reforms from the Russians' point of view: experience of sociological measurements of many years. Ed. M. K. Gorshkov, R. Krumm, V. V. Petukhov). Moscow, 2011. 328 p.

УДК 1/14

ЯЗЫК, ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ, РЕФЛЕКСИЯ: ОСОБЕННОСТИ «ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ» К.-О. АПЕЛЯ

Тетюев Леонид Иванович –
доктор философских наук,
профессор кафедры этики и эстетики,
Саратовский государственный университет
E-mail: tetjuewl@mail.ru

В статье раскрываются особенности «лингвистической парадигмы» К.-О. Апеля, предпринявшего критическую реконструкцию историко-гуманистической традиции в немецкой философии языка и герменевтике. Оригинальную концепцию философ создает посредством трансформации трансцендентальной философии Канта, поиска ответа на вопрос о создании условий возможной разумной аргументации в современном обществе на основе языка, коммуникации и этики солидарной ответственности. Особую актуальность приобретает обращение к идее единства языка и языковым условиям возможности интерсубъективной прагматики понимания себя и других.

Ключевые слова: трансцендентальная философия Канта, интерсубъективность, «первая философия», единство языка a priori, трансцендентальная прагматика языка, этика.

С именем Карла-Отто Апеля (р. 1929) связывают последнее поколение представителей немецкой философской классики. Он – автор оригинальной концепции «трансцендентальной прагматики», предложивший воспринимать современную философию сквозь призму парадигмы «первой философии», названной Аристотелем *prima philosophia*. Устойчивой схеме рассуждений о том, что мы живем в эпоху «пост-метафизического» мышления, немецкий философ противопоставляет собственную парадигму, что идея «первой философии» сама должна быть тематически осмыслена в ряду исторической смены парадигм. «Первую философию» не следует воспринимать как некое абстрактное знание «ограниченной» всецелостности бытия, внешне объективированного. «Первая философия» способна сегодня воссоздать познавательную рефлексия применительно к прагматическим условиям языка и универсальной значимости философского мышления, достигаемой в интерсубъективной прагматике понимания себя и других.

Идею смены парадигм в стиле Т. Куна применительно к истории науки Апель прилагает к реконструкции истории философии и, прежде всего, к аристотелевской концепции *prima philosophia* [1]. Аристотелевский замысел «протофилософии» предполагает онтологию, которая позднее, как известно, стала восприниматься в качестве «метафизики». Историко-герменевтическая реконструкция истории философии, осуществленная немецким классиком, допускает плодотворное осмысление непреходящего и неоспоримого значения метафизической точки зрения. Апель указывает на две возможности в комбинировании измерений разума в традиции, который принято воспринимать в качестве философского *Логоса*. Первое возможное «возвращение» он видит на путях античной онтологической парадигмы протофилософии (идеи Плотина и Прокла, а также Августина), и в качестве завершающей идеи онтологической она встречается у Декарта как основа предельного обоснования философии. При этом критика Апеля направлена на «методический солипсизм» в картезианском стиле мышления, поскольку он должен быть опровергнут *критикой смысла* исходных предпосылок самой философии. Вторая парадигма «первой философии» соотносится с критической философией Канта, которая у Гегеля получает свое радикальное воплощение в «критике Канта» и в принципиальном отождествлении ее с историей догматической метафизики.

Но именно вторая парадигма, считает немецкий философ, открывает новое измерение в философии – пространство трансцендентальной рефлексии – и тем самым задает и определяет возможность *третьей* парадигмы *prima philosophia* современности, своеобразной новейшей трансформации трансцендентальной философии,